

Градобоева А.А. (Екатеринбург, УрГПУ)
«Тоска» А. П. Чехова: жанровые особенности
«рассказа открытия»

Аннотация. В статье рассматривается жанровая специфика «рассказа открытия» в творчестве А. П. Чехова периода 1885-1887 годов. Жанровые признаки данного типа рассказа выделяются с опорой на концепцию В. Б. Катаева. В заданном аспекте предлагается целостный анализ чеховского рассказа «Тоска», в ходе которого выявляются специфика героя, художественная роль внезапного случая, дающего толчок сознанию героя, совершаемое в результате оппозиции «казалось – оказалось» открытие как главное событие рассказа. Выявляется проблема нравственно-психологической глухоты людей, одиночества человека в современном мире, которая найдет свое наиболее полное осмысление в позднем творчестве писателя.

Ключевые слова: литературные жанры; рассказы; литературные герои; литературные образы; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

Gradoboeva A.A. (Ekaterinburg, USPU)
«Longing» A. P. Chekhov: genre features
of “The story of discovery”

Abstract. The article deals with the genre specifics of the “The story of discovery” in the works of A. P. Chekhov of the period 1885-1887. Genre features of this type of story stand out based on the concept of V. B. Kataev. In the given aspect the integral analysis of Chekhov's story “Longing” is offered, during which the specificity of the hero, the artistic role of the sudden case giving a push to consciousness of the hero, made as a result of opposition “it seemed – as it turned out ...” opening as the main event of the story. The problem of moral and psychological deafness of people, loneliness of the person in the modern world which will find the fullest comprehension in the late creativity of the writer is revealed.

Keywords: literary genres; stories; literary heroes; literary images; Russian literature; Russian writers; literary creation.

Рассматривая художественное своеобразие прозы А. П. Чехова первого периода творчества, многие исследователи (Ю. В. Соболев, А. П. Чудаков, В. И. Линков, И. Н. Сухих, Г. П. Бердников и др.) замечают ряд существенных изменений чеховского рассказа конца первого периода творчества писателя – в тематике, проблематике, типах героев, взаимодействии внутреннего мира героя с внешним, позиции автора, структуре повествования и т. п. Особо пристальное внимание на данный тип рассказов Чехова обратил В. Б. Катаев, который убедительно доказал, что ряд рассказов писателя 1885-1887 годов, объединенных схожим построением и темой, можно выделить в отдельную группу, и дал им специальное жанровое определение – «рассказ открытия». По справедливому мнению исследователя, это рассказы «о сдвиге в сознании человека» и последующем открытии, совершаемом героем [Катаев, 1979, с. 11].

Опираясь на размышления В. Б. Катаева, можно выделить следующие жанровые признаки данного типа рассказа: герой – «обыкновенный человек, погруженный в будничную жизнь»; «случай» – «житейская мелочь», которая дает толчок сознанию героя; оппозиция «казалось – оказалось» (внутренняя метаморфоза героя); «открытие» как «главное событие рассказа»; однотипная развязка – герой впервые задумывается о своей жизни.

Вместе с тем, ряд чеховских рассказов, отнесенных исследователем к обозначенной жанровой разновидности («Тапер», «Переполюх», «Кошмар», «Житейская мелочь», «Володя» и др.), на наш взгляд, может быть расширен и другими произведениями писателя рассматриваемого периода. Так, по нашим наблюдениям, жанровыми признаками «рассказа открытия» обладает и рассказ «Тоска» (1887).

Из рассказа нам становится известно, что Иона Потапов – крестьянин, уже не молодых лет, служит извозчиком в Петербурге. Первоначальное описание представляет нам героя следующим образом: «Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб,

то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег...» [Чехов, 1986, с. 101]. Казалось бы, в этом описании нет ничего особенного: просто снег засыпал Иону. Но, с другой стороны, читателя сразустораживает очевидное неюмористическое отношение автора к персонажу: речь идет о душевном состоянии героя, который, судя по всему, чем-то озабочен, погружен в размышления («согнулся, насколько только возможно», «не шевельнется»), «не нашел нужным стряхивать», машет кнутом «по привычке»). В описании Ионы автор акцентирует внимание не столько на подробностях внешнего облика героя, сколько на сравнительных деталях, высвечивающих внутреннее его состояние: «как приведение» [Там же, с. 101], «вытягивает по-лебединому шею» [Там же, с. 102].

Многих чеховских героев рассматриваемого периода на осознание собственной жизни, взаимоотношений с миром наталкивают внезапные, трагичные случаи, которые ставят героя в тупик. В данном рассказе герой сталкивается с трагическим случаем – умирает его единственный сын.

Душевное состояние героя, погруженность в свое горе, в начале рассказа поддержано характером описания окружающего мира. Вокруг все замерло, время будто остановилось: «Вечерние сумерки. Крупный, мокрый снег лениво кружится около только что зажжённых фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки» [Там же, с. 101], извозчик и его лошаденка неподвижны. Но начинается вечерняя уличная суматоха, и городской гул нарушает забытьё Ионы: «Но вот на город спускается вечерняя мгла. Бледность фонарных огней уступает место живой краске, и уличная суматоха становится шумнее» [Там же, с. 102].

В течение дня извозчику встречаются разные люди: военный, три молодых человека и молодой извозчик. Иона пытается рассказать о том, что мучает его душу, слова сами просятся на волю: «Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит: – А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер» [Там же, с. 102]. Горе главного героя мучает и сжигает изнутри, ему хочется с кем-то поделиться своей печалью, высказаться, чтобы кто-нибудь выслушал. Но никто не хочет его слушать.

Военный, первый пассажир Ионы, состоятельный человек высокого чина, узнав о горе извозчика, только ради приличия спрашивает, от чего умер его сын, но на самом деле не слушает рассказ, гораздо больше его заботит то, насколько быстро он доедет до места назначения: «Поезжай, поезжай... – говорит седок. – Этак мы и до завтра не доедем. Подгони-ка! Извозчик опять вытягивает шею, приподнимается и с тяжелой грацией взмахивает кнутом. Несколько раз потом оглядывается он на седока, но тот закрыл глаза и, по-видимому, не расположен слушать» [Там же, с. 103].

Вслед за военным к Ионе подсаживаются трое молодых людей: «двое из них высоки и тонки, третий мал и горбат» [Там же, с. 103]. Сажая новых пассажиров, он не испытывает от этого никакого чувства радости, ему безразлична цена поездки и место прибытия: «Иона дергает вожжами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пятак – для него теперь всё равно, были бы только седоки...» [Там же, с. 103]. Пассажиры ведут между собой оживленный разговор, и извозчику, казалось бы, становится уже не так одиноко. Но когда он решается рассказать им о своем горе, то слышит в ответ только: «Все помрем... Ну, погоняй, погоняй!» [Там же, с. 104]. Грубое отношение седоков, хамство, неуважение – ничего не задевает Иону. И даже, наоборот, помогает ему забыться и дает надежду на разговор: «Он слышит обращенную к нему ругань, видит людей, и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди» [Там же, с. 103]. Вопрос одного из седоков о том, есть ли у Ионы жена, вновь зарождает надежду извозчика быть услышанным, он начинает что-то бормотать, «оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава богу, они, наконец, приехали» [Там же, с. 104].

После невыносимого рабочего дня Иона возвращается к себе во двор, где отдыхают его товарищи. И у читателя может возникнуть ожидание ситуации, когда Иона наконец-то найдет сочувствующих слушателей в среде таких же, как он, ежедневно зарабатывающих свой тяжелый хлеб извозом. Иона, действительно, попытался заговорить с одним из молодых извозчиков, проснувшимся попить воды, обращаясь к нему с последней надеждой: «Иона смотрит, какой эффект произвели его слова,

но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит» [Там же, с. 105].

Примечательно то, что извозчик пытается вступить в диалог с разными по социальному статусу, положению в обществе людьми и ни у одного не находит поддержки. Казалось, в большом городе, Петербурге Иону постоянно окружают «тысячи людей» [Там же, с. 104], но среди этой «тысячи» не находится ни одного человека, кто бы мог его выслушать: «Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски...» [Там же, с. 104].

Внутренне состояние героя, которому тяжело справиться с душевной болью, передается через описание его действий: «Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдается тоске... Обращаться к людям он считает уже бесполезным. Но не проходит и пяти минут, как он выпрямляется, встряхивает головой, словно почувствовал острую боль, и дергает вожжи... Ему невольно» [Там же, с. 104].

Глубина горя Ионы воплощена и в метафорическом образе тоски – она живая, «громадная», «не знающая границ», «распирает его грудь», рвется из души извозчика: «Лопни грудь Ионы и вылейся из неё тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, её не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что её не увидишь днём с огнём...» [Там же, с. 104].

В большом городе, Петербурге, где Иону постоянно окружают «тысячи людей», единственным близким существом оказывается лишь его верная лошадь. Уже в начале рассказа нельзя не заметить близость образа лошади образу Ионы: она также, как и главный герой, «бела и неподвижна», «своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку» [Там же, с. 102]. Но при всей внешней неподвижности образ лошаденки очеловечен, одухотворен, гораздо более, чем все встретившиеся герою «собеседники»: «Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней, неугомного треска и бегущих людей, тому нельзя не

думать...» [Там же]. И в финале рассказа именно она выслушивает Иону, став единственным его настоящим собеседником:

«— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказывает ей всё...» [Там же, с. 105].

Подобно другим чеховским рассказам данной жанровой разновидности, главным событием произведения становится открытие, которое переворачивает видение жизни героем в результате оппозиции «казалось-оказалось». Раньше Ионе казалось, что люди равнодушны друг к другу, способны к пониманию, слушанию, сопереживанию, что горе сближает людей, стирая сословные, материальные, возрастные и прочие границы. Но, оказалось, что никому не интересны его чувства, переживания, никому не интересна его судьба, никто не хочет выслушать его. Таким образом, Чехов воплотил мысль о тотальном одиночестве человека, живущего среди «тысячи людей», осознающего свое одиночество «вдруг», в момент внезапно обрушившегося горя, которое пробуждает «тоску» — «громадную, не знающую границ...».

Смысл рассказа и авторская позиция заложены в значительной мере и в имени главного героя. Иона (имя которого в переводе означает «голубь», «птица-посланник») — библейский пророк, который был послан Богом в Ниневию с проповедью покаяния и предсказанием гибели города за нечестивость его жителей, если они не раскаются. В результате этой проповеди ниневийский царь и народ раскаялись в своей нечестивости, вследствие чего Господь помиловал их и отвел бедствия, о которых предвозвещал устами пророка. Чеховский герой Иона тоже выполняет особую миссию. В его образе воплощается и авторская боль: «не знающая границ» тоска героя — это и тоска автора, переживающего равнодушие, нравственно-психологическую глухоту людей в современном мире, которая найдет свое наиболее полное осмысление в позднем творчестве писателя.

Литература

Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. – 3-е изд., дораб. – М.: Худож. лит., 1984. – 514 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. – 1376 с.

Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1979. – 326 с.

Линков В. Я. Художественный мир прозы Чехова. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. – 128 с.

Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. – Л.: Изд. Лен. ун-та, 1987. – 184 с.

Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. – М.: Худож. лит, 1986. – Т. 1. – 735 с.

Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – М.: Сов. писатель, 1986. – 379 с.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. – М.: Наука, 1971. – 292 с.